

УДК 821.161.1 «18»

DOI 10.25688/2076-913X.2020.37.1.03

Е.А. Песелис,
И.Н. Райкова

Мотив сна в лирике Аполлона Григорьева и фольклорная традиция

В статье рассматриваются реализации сквозного мотива сна в лирике «последнего романтика» Ап. Григорьева: сон как лень, праздность, скука; сновидения как отражение сферы бессознательного; отсутствие сна, бессонница; сон-воспоминание, сон-забвение, опасность сна. Выявляются их типологические схождения с фольклорной традицией, роль воспоминаний детства в формировании фольклорного мышления поэта. Исследуется трансформация фольклорных источников в онейро-поэтике Григорьева.

Ключевые слова: Ап. Григорьев; лирика; сон; фольклорная традиция.

В последние два десятилетия осмысление феномена сна и сновидения в народной культуре, онейрические мотивы в фольклоре и литературе становятся предметом пристального внимания как фольклористов ([8, 11, 17–19, 23] и др.), так и литературоведов ([10, 13–16, 21–22] и др.). Эти мотивы многообразно отражают таинственный феномен сна, осмысленный и народным мировосприятием в его составляющих: сон и бессонница, сон и явь, сон как смерть, жизнь как сон, вещий сон, воспроизводящий, по мысли М.Л. Лурье, в образной форме «архаические представления или мифологические модели» [12, с. 26]), снотолкования, сон как компонент мантических практик (гадания на сон) и др. По мнению О.Б. Христофоровой, носители фольклорной традиции часто не делают различия между сном и явью; архаическому сознанию славян сон представлялся неким состоянием души вне тела [23].

Если говорить о литературе, то, как отмечает автор двух монографий об онейропоэтике литературы Д.А. Нечаенко, «поэтика персонажных сновидений очень близка к породившему и сформировавшему ее фольклорному, мифологическому снотворчеству» [14, с. 47].

Сновидческие мотивы, на наш взгляд, занимают значительное место в мотивном комплексе лирики такого во многом ориентированного на фольклорную традицию поэта, переводчика, литературного и театрального критика XIX в., как Аполлон Александрович Григорьев.

Интерес поэта к народной культуре зародился еще в детстве, в помещичьей усадьбе, «*уединенном и странном уголке мира, называемом Замоскворечьем*»

[4, с. 230], как его позже охарактеризует Григорьев в неоконченной автобиографической прозе «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862) [4, с. 224–331]. Сын помещика и дочери крепостного кучера, лишь позже благодаря венчанию родителей и окончанию университета вышедший из податного сословия, надолго сохранил в душе груз своего незаконного рождения крепостным мальчиком. Однако детство, по его воспоминаниям, было окружено ореолом тайны, связано со страшными, но влекущими фольклорными историями. Будущий поэт слышал от дворни народные сказки, пословицы и поговорки, приметы, былички и поверья «о таинственных козлах, бодающихся в полночь на мостике к селу Малахову, о кладе в Кириковском лесу <...> о колдуне-мужике, зарытом на перекрестке» [4, с. 234]. «А много, всё-таки много обязан я тебе в своем развитии, безобразная, распущенная, своекорыстная дворня...» [4, с. 238]. И не только от нее: от родных из деревни, от тетки-знахарки, перелечившей «всю окрестность». Двоюродный дед, с которым мальчик ночевал в одном мезонине, часто молился, «даже на молитве и умер, но вместе с тем каждый вечер рассказывал с полнейшею верою истории о мертвецах и колдуньях» [4, с. 234], как и принято рассказывать былички в народе. Возможно, мальчик слышал и снотолкования, и мемораты о сбывшихся снах — во всяком случае, другой дед, родной, являлся ему не раз во сне.

Что касается фольклорной песни, то хорошо пела мать поэта Татьяна, читавшая по складам, но «от природы одаренная здравым рассудком и даже эстетическим чутьем» [4, с. 236], к народным песням и романсам лежала и душа отца поэта — Александра Ивановича. Фольклорное песенное творчество во многом определило принципы отражения действительности поэтом, создавшим в числе прочего шедевры «Цыганская венгерка» («Две гитары») и «О, говори хоть ты со мной...», ставшие основой народных романсов.

Сны, сновидения, видения и грезы на границе сна и яви становятся предметом изображения или простого упоминания в поэзии Ап. Григорьева на протяжении всего творчества, начиная со стихотворения «Доброй ночи» — его поэтического дебюта в 1843 г. [3, с. 82] — и заканчивая циклом «Вверх по Волге» (1862) [3, с. 370], но более характерны для раннего творчества.

Характер и семантическое наполнение онейрических мотивов и сновидческих эпизодов в его лирике различны. Можно выделить некоторые из них и попытаться раскрыть их внутреннюю связь с фольклорной традицией.

1. Сон — лень, праздность, скука

Сонному или полусонному, дремотному, только пробуждающемуся ото сна психосоматическому состоянию уподоблено состояние души, склонной к лени, сопряженной с хандрой и праздностью.

В поэме «Встреча» (1846), имеющей подзаголовок «Рассказ в стихах» и посвященной другу молодости автора А. Фету, который в студенческие годы жил у Григорьевых на полном пансионе, состояние сна означает отвлеченность от суеты мира, окутанность душевной дремой. Так поэт характеризует русский народ: «И пусть покамест он зевает, / В затылке роется подчас, / Хандрит,

лениво протирает / Спросонья пару мутных глаз...» [3, с. 310]. Интересно, что внешне полусонной, однако таящей в себе скрытую энергию, представляется поэту и народная песня: «И в песни грустно-полусонной, / Ленивой, вялой, монотонной / Порыв размашисто-живой / Сверкает молнией порой» [Там же]. Григорьев противопоставляет покой сна-лености заботам суетного мира: «С тебя спадут оковы лени, / Сонливость праздной пустоты...» [3, с. 310].

Сходные представления есть и в народных паремиях: сон и дрема в русской традиции нередко отождествляются с ленью, праздностью, скрытыми (пока дремлющими) силами: «Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень»¹; «Сонлив, так и ленив»; «Ранняя птичка носок прочищает, поздняя — глаза продирает», «Беспечному сон сладок», «Много спать — дела не знать (добра не видать)» [5, с. 428]. Как известно, в собрании В.И. Даля есть специальный тематический раздел «Сон».

В русских сказках и былинах пробужденный от чародейного непробудного сна и таким образом возвращенный к жизни герой восклицает: «Как долго я спал!» Пробудить от такого сна возможно лишь чудесным способом. Фольклорный эпический мотив такого сна восходит к архаическим представлениям о сне природы зимой до ее весеннего пробуждения. Космогоническое значение пробуждения героя от чародейного сна Ап. Григорьев находит и в былинном богатыре Илье Муромце, который после «сидения сиднем» готов к богатырским подвигам. И с ним поэт ассоциирует народ:

С зевотой праздною и скучной
На мир спросонья он глядит,
Как сидень Муромец, от скуки
Лежит да ждет, сложивши руки...
Зачем лежит? чего он ждёт?
То знает бог... [3, с. 310]

2. Сновидения как отражение сферы бессознательного

Отражение бессознательного, высвобождение ночных мыслей, желаний, сердечных порывов всегда волновало Григорьева. В стихотворении «Песня сердцу» (1858) он пишет:

Тихо спи под покровом прозрачно-сырой
Ночи, полной туманных видений,
Мой хранитель, таинственный, странный, больной,
Мое сердце, мой северный гений [3, с. 178].

Сновидения лирического героя Ап. Григорьева насыщены символикой, в них есть отсылки к мифологии, фольклору, русской и мировой литературе. Так, «синие волны безбрежно-широкого моря», увиденные во сне лирическим героем раннего стихотворения «Обаяние» (1843), ассоциируются с вольным

¹ Интересно, что эта пословица позже станет началом стилизованной под фольклор песни И. Бродского (1964).

простором. В то же время поэт мысленно переносится в детство, отрешаясь от сложностей и горестей взрослой жизни, и волны его укачивают, будто баюкая колыбельной песней:

И грезится только иная,
Та жизнь без сознанья и цели,
Когда, под рассказ усыпляя,
Качали меня в колыбели [3, с. 83].

«В русской мифологической картине мира море выступает не столько в качестве географического локуса, сколько оказывается “иной реальностью» [9, URL]. Это край света, путь к неведомой, далекой, чужой земле, иному миру. Море в русском фольклоре ненастоящее: оно всегда синее (*сине море*) и некое условное (*окиян-море*). Колыбель и лодка выступают, как доказывает С.А. Кошарная, опираясь на работы В.Н. Топорова, А.Т. Хроленко, В.М. Мокиенко, Л.Н. Виноградовой и др., символическим комплексом, где колыбель — лодка, в которой человек приходит в этот мир, как бы приплывает [9, URL]. По представлениям многих народов, в тот же иной мир, из которого приходит младенец, возвращается покойник в гробу, как в ладье. В этом контексте особым смыслом наполняется григорьевское выражение «иная жизнь».

Сновидения, насыщенные символическими и фантазийными образами, характерны и для фольклорного понимания процесса сна: «Мало спалось, да много виделось»; «Вещий сон не обманет»; «Грозен сон (черт), да милостив Бог» [5, с. 429]. Впервые о вещих снах написал в вышедшей в 1891 г. статье А. Балов [1]. По его словам, сны можно правильно объяснить только тогда, когда они исполнятся. О причине вещих снов в народе существуют различные мнения. Одни считают, что «вещие сны — дело рук Божьих, цель их — предостеречь человека от какого-либо решительного шага в жизни» [1, с. 212]. По мнению других, люди склонны верить в предчувствие от душевной тревоги, беспричинной тоски, беспокойства и т. д. — «знать душа чуяла» [Там же].

Современные фольклористы, анализируя устные мемуары сновидцев, склонны считать, что практически все запоминающиеся сновидения «обретают в традиционной культуре статус вещей» [12, с. 28], информанты связывают их со сферой грядущего, прогнозами событий своей дальнейшей жизни. По справедливому наблюдению А.А. Лазаревой, архаичное «представление о способности снов предсказывать будущее и традиция их обсуждения и интерпретации (в кругу семьи, друзей, на интернет-форумах) продолжает существовать и в наши дни» [11, с. 4].

3. Отсутствие сна, бессонница

Для Григорьева характерно понимание бессонницы как болезни, боли, страдания. Страдание от бессонницы ярко актуализируется в стихотворении «Призрак» (1845): «*Есть призрак... В ночь бессонную ль, во сне ли / Мучительно-тревожном он предстанет...*». Это признак женщины, причем он сам страдающий, «больной, печальный, бледный». Его «*очи / Сияли блеском*

ярким, но холодным, / Безжизненным и неподвижным блеском» [3, с. 108]. Призрак стихотворения Григорьева напоминает персонифицированную вестницу смерти или самоё смерть, предстающую в женском облике в фольклорных быличках. Об уподоблении сна смерти в народной культуре написано много, в частности С.М. Толстая замечает: «Заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира...» [20, с. 198]. Эта идея отражена и в паремиях: «Сон смерти брат»; «Сонный что мертвый» [5, с. 428].

Уснуть лирическому герою Ап. Григорьева главным образом мешают моральные страдания, муки несчастной любви:

В час томительного бденья,
В ночь бессонного страданья
За тебя мои моленья,
За тебя мои стенанья! (1846) [3, с. 166];

К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы — расплата мне за них! (1857) [3, с. 146]

«Главный герой его поэзии, — пишет Б. Егоров о Григорьеве, — романтическая страдающая личность, отмеченная “стихийностью” и роковой таинственностью чувств» [7, с. 54].

Бессонница, связанная со страхом ночной тишины, никтофобией, с кошмарами ночных звуков, описана в стихотворении «Видения» из цикла «Вверх по Волге»:

Немая ночь, и всё кругом
Почиет благодатным сном,
А мне не дремлетя, не спится,
Страшна мне ночи тишина:
Я слышу шорох твой... [3, с. 370]

В тех же воспоминаниях Ап. Григорьев признается, что, будучи подростком, страдал никтофобией после смерти деда: «Лихорадочно-тревожно прислушивался я к бою часов, а они же притом шипели и сипели страшно неистово, и засыпал всегда только после двенадцати, после крика предрассветного петуха» [4, с. 235].

В народе состояние бессонницы («Спать я не сплю, дремать не дремлю, а думу думаю» [5, с. 427] — такую сказочную формулу приводит Даль) также вызывало опасение за здоровье человека. Всегда считалось естественным, что ночное, темное время суток должно быть отведено сну, который сохраняет здоровье, не позволяет стареть, помогает преодолевать невзгоды: «Сон лучше всякого лекарства»; «Сон дороже лекарства»; «Выспишься — помолодеешь»; «Ночь matka, выписься — все гладко». И о бессоннице и ее причинах: «Совесть спать не дает»; «Не живется, так и не спится»; «Не всяку кручинку заспать можно» [5, с. 428].

По народным поверьям, как отмечает М.Н. Власова, временные «рубжи» — полночь, полдень, закат — активизируют нечистых духов — полуденников, полуночников: «В полночь нечистый по земле прошелся» [6, с. 285]. Бессонница в фольклоре рассматривается как *ночница*, детская болезнь, представляющаяся живым существом, женщиной, которая нападает на ребенка ночью. «В рассказах Новгородчины полуночица схожа с кикиморой (пустодомкой)» [6, с. 257], живущей в пустых хоромах и тревожащей исключительно детей. Чтобы прогнать полуночников, прибегали к заговорам, в которых их отсылали в далекие, безлюдные места. Так, в заговоре утреннюю и вечернюю зарю просят взять из тела младенца «полуночника и щекотуна» и отнести их «за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за болота зыбучи, за грязи топучи, к щуке-белуге в зубы...» [2, с. 33]. В колыбельной песне, также исконно выполнявшей магическую функцию, бессонницу, «бессонье» младенца уговаривают отойти от него прочь, заблудиться в лесу.

4. Сон-воспоминание, сон-забвение, опасность сна

У поэта-романтика Григорьева мотив «сон-воспоминание» связан со «сном души». Это представлено в стихотворениях «Импровизации странствующего романтика», «Будь счастлива, забудь о том, что было...», «Два эгоизма», «Искусство и правда» и др. Лирические герои нередко видят ностальгические сны, отражающие воспоминания детских и юношеских лет². В стихотворении «Звуки» (1845) мысли «...звучат прошедшим небывалым / И снами светлых лет — / Стремлением напрасным и усталым / К теням, которых нет...» [3, с. 107]. Здесь угадывается влияние В.А. Жуковского, лирический герой которого живет мечтой, но видит ее не в будущем, а в прошлом, которое, преобразившись, должно воплотиться в мире.

Можно усмотреть связь с фольклорной традицией, в которой считалось, что сон — это воспроизведение реальности, отражение событий прожитого накануне дня: «Что наяву деется, то и во сне грезится» [5, с. 429].

Оппозицией сну-воспоминанию является сон-забвение, истоки которого уходят в древний миф о Лете — реке забвения и смерти, что обуславливает взаимоотношение сна и яви. В народных паремиях, как уже говорилось выше, сон уподобляется смерти.

Напряженность и опасность, исходящие от сна, воспроизводятся в стихотворении «Доброй ночи» (1843). Фольклорно-мифологическое начало проявляется здесь в художественном переосмыслении поэтом антропоморфных образов народной демонологии. Он пишет о крылатых сестрах лихоманках-лихорадках, прилетающих ночью к спящим людям и приносящих неприятности:

В час ночной, тюрьмы подводной
Разломав запер,
Вылетает хороводной
Цепью рой сестер.

² Ср. со снами о прекрасных днях детства и юности в лирике Л.А. Мея, современника Ап. Григорьева: [14].

Лихорадки им прозвание;
Любо им смущать
Тихий сон — и на прощанье
В губы целовать.

Лихоманок-лихорадок,
Девяти подруг,
Поцелуй и жгуч и сладок,
Как любви недуг... [3, с. 82]

Однако светлые божественные силы одолеют демоническое зло:

Спи же тихо — доброй ночи!..
Под лучи светил,
Над тобой сияют очи
Светлых божьих сил [3, с. 82].

Известные сестры-лихорадки русских заговоров (сестры царя Ирода, в заговорах их числом по вариантам 9, 10, 12 или 13) тоже выходят из моря-океана, «простоволосья, безпоясыя и безобразныя» [2, с. 49], но они не летают, в губы не целуют, ответственны за лихорадку как недуг и к сну имеют лишь косвенное отношение (больному человеку плохо спится). По вариантам последнее отмечено в текстах: «отбивают ото сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы...» [2, с. 49].

Наконец, такие реализации мотива, как *сон-мечтание*, *сон-греза*, связанные с традицией романтизма середины XIX в., а также *сон-свобода*, *любовь как сбывшийся сон*, явных истоков или параллелей в фольклорной традиции не обнаруживают, поэтому мы не будем на них останавливаться в настоящей статье.

Итак, мотив сна в лирике Ап. Григорьева сквозной и семантически насыщенный. Мы выявили несколько схождений авторской реализации мотива с тем, как это существует в фольклорной традиции. Они главным образом типологического свойства, но, по всей вероятности, не без влияния фольклорного знания и мышления писателя, которые родом из детства. Если в произведениях обнаруживается конкретная фольклорная основа, то она трансформирована в соответствии с индивидуальным мировидением и стилем писателя — «последнего романтика», как он сам себя называл.

Библиографический список

Источники

1. Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208–213.
2. Великорусские заклинания: сб. Л.Н. Майкова. СПб.: Европейский дом, 1994. 216 с.
3. Григорьев А.А. Избр. произв. Л.: Сов. писатель, 1959. 607 с.

4. Григорьев А., Фет А. Поэзия. Проза. Воспоминания / сост., предисл., коммент. А.И. Журавлевой, Г.В. Зыковой. М.: Слово, 2004. 656 с.

5. Пословицы русского народа: сб. В.И. Даля. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 814 с.

Литература

6. Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

7. Егоров Б. Аполлон Григорьев. М.: Молодая гвардия, 2000. 218 с. (ЖЗЛ).

8. Живица Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 147 с.

9. Кошарная С.А. Море в русской мифологической картине мира [Электронный ресурс] // Славянская культура. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/more-v-russkoi-mifologicheskoi-kartine-mira.html> (дата обращения: 10.12.2019).

10. Кумбашева Ю.А. Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 230 с.

11. Лазарева А.А. Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 335 с.

12. Лурье М.Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 26–43.

13. Нечаенко Д.А. История литературных сновидений. Фольклорные, мифологические и библейские архетипы в литературных сновидениях XIX – начала XX в. М.: Университетская книга, 2011. 784 с.

14. Нечаенко Д.А. «Сон, заветных исполненный знаков»: Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. М.: Юридик. лит., 1991. 304 с.

15. Райкова И.Н. «Ох, если б крылья да крылья...»: поэт с душой ребенка (фольклорные фантазии Льва Мея) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 1 (17). С. 14–22.

16. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: монография. Алматы: Жазуши, 2013. 520 с.

17. Сафронов Е.В. Рассказы об иномирных сновидениях в контексте русской несказочной прозы: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 329 с.

18. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016. 544 с.

19. Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофоров; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. 382 с.

20. Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 198–219.

21. Федунина О.А. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции): монография. М.: Intrada, 2013. 196 с.

22. *Ходанен Л.А.* Миф в творчестве русских романтиков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. 320 с.
23. *Христофорова О.Б.* Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М., 1998. 115 с.

References

Istochniki

1. *Balov A.* Son i snovideniya v narodny'x verovaniyax. Iz e'tnograficheskix nablyudenij, sobranny'x v Yaroslavskoj gubernii // *Zhivaya starina*. 1891. Vy'p. 4. S. 208–213.
2. *Velikorusskie zaklinaniya*: sb. L.N. Majkova. SPb.: Evropejskij dom, 1994. 216 s.
3. *Grigor'ev A.A.* Izbr. proizv. L.: Sov. pisatel', 1959. 607 s.
4. *Grigor'ev A., Fet A.* Poe'ziya. Proza. Vospominaniya / sost., predisl., komment. A.I. Zhuravlevoj, G.V. Zykovoj. M.: Slovo, 2004. 656 s.
5. *Posloviczy' russkogo naroda*: sb. V.I. Dal'ya. 3-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz. Media, 2007. 814 s.

Literatura

6. *Vlasova M.* Novaya ABEVEGA russkix sueverij. SPb.: Severo-Zapad, 1995. 383 s.
7. *Egorov B.* Apollon Grigor'ev. M.: Molodaya gvardiya, 2000. 218 s. (ZHSL).
8. *Zhivicza E.Yu.* Ustnaya narodnaya snotolkovatel'naya tradiciya (na materiale rasskazov o snax): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 147 s.
9. *Kosharnaya S.A.* More v russkoj mifologicheskoj kartine mira [E'lektronny'j resurs] // *Slavyanskaya kul'tura*. URL: <http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/more-v-russkoi-mifologicheskoi-kartine-mira.html> (data obrashheniya: 10.12.2019).
10. *Kumbasheva Yu.A.* Motiv sna v russkoj lirike pervoj treti XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2001. 230 s.
11. *Lazareva A.A.* Simvolika snovidenij v narodnoj kul'ture: fol'klorny'e modeli i lichny'e narrativy': dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018. 335 s.
12. *Lur'e M.L.* Veshhie sny' i ix tolkovanie (Na materiale sovremennoj russkoj krest'yanskoj tradicii) // *Sny' i videniya v narodnoj kul'ture*. Mifologicheskij, religiozno-misticheskij i kul'turno-psixologicheskij aspekty' / sost. O.B. Hristoforova; otv. red. S Yu. Neklyudov. M.: RGGU, 2001. S. 26–43.
13. *Nechaenko D.A.* Istoriya literaturny'x snovidenij. Fol'klorny'e, mifologicheskie i biblejskie arhetipy' v literaturny'x snovideniyax XIX – nachala XX v. M.: Universitetskaya kniga, 2011. 784 s.
14. *Nechaenko D.A.* «Son, zavetny'x ispolnenny'j znakov»: Tainstva snovidenij v mifologii, mirovy'x religiyax i xudozhestvennoj literature. M.: Yuridich. lit., 1991. 304 s.
15. *Rajkova I.N.* «Ох, если б kry'l'ya da kry'l'ya...»: poe't s dushoj rebenka (fol'klorny'e fantazii L'va Meya) // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie*. 2015. № 1 (17). S. 14–22.
16. *Savel'eva V.V.* Xudozhestvennaya gipnologiya i onejropoe'tika russkix pisatelej: monografiya. Almaty': Zhazushi, 2013. 520 s.
17. *Safronov E.V.* Rasskazy' ob inomirny'x snovideniyax v kontekste russkoj neskoznochnoj prozy': dis... kand. filol. nauk. Ul'yanovsk, 2008. 329 s.

18. *Safronov E.V.* Snovideniya v tradicionnoj kul'ture. Issledovanie i teksty'. M.: Labirint, 2016. 544 s.
19. Sny' i videniya v narodnoj kul'ture. Mifologicheskij, religiozno-misticheskij i kul'turno-psixologicheskij aspekty' / sost. O.B. Hristoforova; otv. red. S.Yu. Neklyudov. M.: RGGU, 2001. 382 s.
20. *Tolstaya S.M.* Inomirnoe prostranstvo sna // Sny' i videniya v narodnoj kul'ture. Mifologicheskij, religiozno-misticheskij i kul'turno-psixologicheskij aspekty' / sost. O.B. Hristoforova; otv. red. S.Yu. Neklyudov. M.: RGGU, 2001. S. 198–219.
21. *Fedunina O.A.* Poe'tika sna (russkij roman pervoj treti XIX v. v kontekste tradicii): monografiya. M.: Intrada, 2013. 196 s.
22. *Xodanen L.A.* Mif v tvorchestve russkix romantikov. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000. 320 s.
23. *Xristoforova O.B.* Logika tolkovanij. Fol'klor i modelirovanie povedeniya v arhai-cheskix kul'turax. M., 1998. 115 s.

*E.A. Peselis,
I.N. Raykova*

The Motif of Sleep in A. Grigoriev's Lyrics and Folklore Tradition

The article features the end-to-end motif of sleep in the lyrics by «the last romantic» A. Grigoriev: sleep as laziness, idleness, boredom; dreams as a reflection of the unconscious; sleeplessness, insomnia; dream as a reminiscence, sleep as oblivion, the danger of sleep. The research regards the typological similarities of the motifs tackled with the folklore tradition as well as the role of childhood memories in the formation of the poet's folklore way of thinking. The author studies the transformation of folk sources in Grigoriev's poetics.

Keywords: A. Grigoriev; lyrics; sleep; folk tradition.